

Фото Виктора АХЛОМОВА.

Светлана Алексиевич в «Известиях»

Белорусская писательница Светлана Алексиевич, записавшая исповеди тысяч людей — фронтовиков, афганцев, самоубийц, чернобыльцев, сделала документальные свидетельства фактом высокой литературы. Ее книги изданы более чем в 20 странах, но их сегодня нет в планах ни одного белорусского издательства. Президент республики считает тему Чернобыля закрытой, а немецкие издатели и книготорговцы присуждают Алексиевич общенациональную премию за лучшую политическую книгу года «Чернобыльская молитва. Хроника будущего»...

Московское издательство «Остожье», как мы общались в минувшую пятницу, только что выпустило двухтомник всех повестей писательницы — свиде-

тельство не только таланта, но и многолетнего мужества автора, работающего в зоне, где зашкаливает от дозы чужой беды.

В конференц-зале «Известий» состоялась встреча со Светланой Алексиевич, в которой приняли участие главные редакторы журналов: «Дружба народов» — Александр Эбаноидзе, печатавший «Цинковых мальчиков», «Зачарованных смертью», «Чернобыльскую молитву»; «Нового мира» — Андрей Василевский, «Вопросов литературы» — Лазарь Лазарев, многие ведущие российские критики и писатели — Лев Аннинский, Людмила Сараскина, Зоя Богуславская, Юрий Карякин, Татьяна Бек; представители ряда общественных чернобыльских организаций, коллеги с телеканалов «Культура», РЕН-ТВ и РТР.

— «Известия» писали, что последняя книга Василя Быкова вышла тиражом 750 экземпляров на собранные народом деньги. Повести Алексиевич тоже сегодня не издаются в Минске. Что, на ваш взгляд, происходит в Белоруссии?

— Здесь дело не в именах — дело в явлении. В Белоруссии, впрочем, как и в России, жить интеллигенту трудно: его работа — додумывать многие вещи до конца, а он с этой работой не справляется. Стихийное чувство справедливости, которое зреет в народе, на рациональном уровне связывается с культом силы. Вот откуда Лебедь, вот откуда Лукашенко... Вот откуда наше поражение интеллигентов...

Чтобы моя последняя повесть стала фактом в республике, которую теперь называют чернобыльской лабораторией, приходится искать деньги не в Белоруссии и не в России, а на Западе, и ввозить «Чернобыльскую молитву».

Но в принципе это возможно. Я не понимаю разговоров, когда можно спрятаться за то, что тебя судят или не печатают, или за то, что у твоей страны такой правитель.

— Почему интеллигалы не справляются со своей работой?

— Все разговоры о демократии и либерализме дальше Минска и Москвы не выезжают. Мы говорим на языке, непонятном большинству народа, может, отсюда и наше поражение. А Лукашенко, как Фидель Кастро, говорит каждый день о том, что волнует абсолютно каждого: «Завтра я поеду и разберусь, почему это колбасу на Комаровском рынке сделали на 20 тысяч дороже». И едет. И все смотрят. А в это время могу выступать я, Быков, Шушкевич, говорить о гражданском мире, а нас воспринимают как инопланетян. И если кто-то говорит о народе: «совок», «бьдло», «ему мало надо», то это от собственного бессилия.

Не надо переделывать все человеческое, мы и так заложники культуры борьбы. Надо начинать с ценности отдельной человеческой жизни.

— А вам не кажется, что вы преувеличиваете индивидуализм, не способствующий обществу прогрессу?

— Ценности частной жизни — залог стабильности. Дай Бог нам научиться жить отдельно жизнью. Именно из личных ценностей создается гражданское общество, оно никогда не возникнет из наших демократических заклинаний.

Долго на баррикадах, особенно художнику, нельзя находиться — ты даже не замечаешь, как ужасно портится зрение. Ты уже не человека видишь, а мишень, одноцветный мир. А уйти оттуда не можешь, ибо окружен заклинаниями — демократическими, национальными, партийными...

Частная жизнь — это когда человек говорит: я отвечаю, а не мы. Ни одна идея не равна человеческой жизни. Когда вся культура и политика будут стоять на этом — это будет другой народ.

— Что представляет собой го-

сударственная культурная политика в Белоруссии?

— Сейчас, чувствуя нашу беспомощность, место писателя заняли экстрасенсы и политики. Мы перестали быть нужны.

Лукашенко так примерно говорит: я не собираюсь договариваться с журналистами — я собираюсь договариваться с их хозяевами. Я не собираюсь договариваться с писателями — хозяин в этой стране я, кому не нравится — пусть ищет другую родину.

Лучше не испытывать человеческую природу. Если у нас в Союзе писателей 500 человек, то всегда найдутся 50, которые создадут свиту диктатора. В редакции и издательства пришли люди, о которых никто раньше не слышал в профессиональной среде. Начинается торжество посредственностей.

Это еще одно свидетельство поражения интеллигалов. Солженицын вернулся в Россию, как апостол, но Россия сегодня больше слушает Лебеда, чем Солженицына.

— Вы говорили о себе, что «У войны не женское лицо» писал один человек, а «Цинковых мальчиков» — совсем другой. Менялась ли с годами психология ваших собеседников?

— Когда я пришла к «Цинковым мальчикам» — все шепотом, война спрятана, многие давали подписки о неразглашении государственной тайны.

Но когда записывала «Зачарованные смертью», то была поражена, насколько люди стали свободно рассуждать, иногда с вызовом, иногда с криком, могли костью ударить телевизор. Но говорили, что хотели.

Правда, сегодня в Белоруссии опять страх появился. Меня поразили механизм страха, он мгновенно заводится. Студент может донести на преподавателя, киношник на киношника... Как мы были романтичны, когда думали о необратимости демократических процессов. Приходишь в дом к писателю, а он накрывает телефон подушкой, как делал в 60-е годы.

И все-таки сегодняшние собеседники мне кажутся более свободными и интересными.

— Где граница ужаса, которую вы, как писатель, не можете переступить?

— Я была в Кабуле, на непонятной войне, мне показали кучу оружия, отобранного у моджахедов, которым их снабжал весь мир. Я говорю приставленному ко мне полковнику, какая потрясающая новгородная игрушка. А он объясняет, что это итальянская мина: если на нее наступить, то от человека полведра останется. Потом через два дня звонит и говорит, что можно посмотреть, что натворила та игрушка — человека бронеложкой сгребают, хотите ли вы посмотреть. Поехала — и потеряла сознание. Я так до конца для себя и не решила, надо ли писать про круги ада, про то ведро мяса. Для каждой книги я записываю минимум 500 человек, работаю 3–4 года, отбираю для каждой книги 100–200 историй. Да, эти истории нельзя считать доку-

ментами — это версии, но из множества версий собирается знаковый документ.

— Вам не кажется, что народу, у которого полно своих страданий и бед, ваши книги просто не нужны, их никто не будет покупать?

— Должна быть форма самозащиты у человека, когда его все время бомбардируют шоками, но не думать, что же происходит со всеми нами, — это тоже преступно. Чернобыль, по-моему, — это третья мировая война. Раньше казалось, что мир может взорвать патологический преступник и диктатор, но оказалось, это может сделать обыкновенный оператор на обыкновенной АЭС, молодой парень, который сам погиб.

Мне хорошо сформулировал один вертолетчик: «Я умираю, мне осталось несколько месяцев. Как хорошо, что вы пришли. Я многое не понял, но мы многое видели. И хотелось бы, чтобы это осталось».

Сегодня на территории Белоруссии лежит триста пятьдесят условных бомб, сброшенных на Хиросими. Люди умирают постепенно, смертность превышает рождаемость более чем на 20 процентов. Люди, брошенные на реактор, сегодня оказались не нужны государству, которое оберегает себя и свою власть, а не человека.

Когда я писала эту книгу, главным было не собрать весь ужас, от которого человек и так устал, я не собиралась коллекционировать страдания, журналистика с литературой и без меня постарались. Я пыталась осмыслить не на уровне системы или антикоммунизма, а во имя чего эти страдания, если ты презираешь через 10 лет, а тракторист пашет радиоактивное поле, а в кабине трактора нет и подобия герметизации. Напарник его умер несколько месяцев назад, у него самого четверо детей, а он думает, что этой пахотой он для них на хлеб зарабатывает.

— Светлана, вы всю жизнь имеете дело с человеческими трагедиями, как справляется ваша психика с этим запредельным грузом?

— Я из семьи потомственных сельских учителей. Нет более печального места в нашей истории, чем деревня, оттуда трудно выйти радостным человеком. Прочитайте нашу деревенскую русскую и белорусскую литературу, вслушайтесь в народные песни, это не песни — голошения. Мне кажется, что печаль — это наше постоянное мироощущение. Однажды вступив на этот путь, на который подвиг меня Аเลส Адамович, я не подозревала, что человек — небо и бездна одновременно. Профессия хирурга, священника, психиатра не менее драматична, так что не надо над писательством священнодействовать.

— Есть ли в вашей будущей книге о любви «Чудный олень вечной охоты», определяющая идея, на которой вы строите осмысление личных историй мужчин и женщин?

— Я еще в процессе работы, чистого звука не слышу. После пяти книг стало очевидно, что человек на войне, на развалинах империи, на крыше реактора — это не вся правда о человеке. У него есть еще отдельная, личная жизнь. Я перечитала многое, особенно Тургенева, Бунина, и поняла для себя, что из целуев русской литературы еще дети не рождаются. Даже наш язык не приспособлен говорить «про это» — у нас или «звезды и слезы», или ненормативная лексика.

Мы безобразно много сейчас говорим о политике, с какой ноги встал Ельцин или Лукашенко, это даже униженно, что мы тратим так много времени на это. Территория отдельного человека, который понял, что у него ничего не осталось, кроме друг друга, — это самое притягательное для меня.

Ядвига ЮФЕРОВА,

«Известия».